

о повести Василя Быкова «Знак беды»
Известия, 1983, 10 июня, № 12

Из ВСЕХ книг Василия Быкова эта его повесть, «Знак беды», самая, быть может, спокойная по манере изложения, но и самая драматичная. Не изгущи событий, где страсти не улеглись, конфликты не разрешились и многое еще не ясно, а из дней нынешних ведется рассказ и осмыслиется минувшее.

Так начинается повесть, и в прозе этой ощутимо эпическое дыхание. А ведь обычно у Васи́ль Быкова с первых глав сюжет напряжен, перед героями четко поставлена проблема выбора. Но автором поставлена, ее ставит сама жизнь, но именно на этой нравственной проблеме сконцентрировано внимание, она — пружина всего происходящего. Кзы-то Быков сказал о времени войны, что жить хотелось всем, но выжить всем было невозможно, и этим определялись поступки многих людей. Шаг в сторону соступил Рыбак, и вот он уже в строю карателей идет вешать Сотникова. Он не хотел быть палачом, он только хотел выжить, но у событий своя логика: пошел по этому пути, и отныне либо ты вешаешь, либо повесят тебя, назад дороги нет.

человеком тихим, таким, как большинство в Висселках: в меру осторожным, уважительным к другим, немного суеверным и набожным. Таковыми же были и все его предки... Чувствуя себя слабым и от многого зависимым человеком, жаждал как-нибудь удержаться в стороне от захлестывающих мир событий, переждать, отсидеться. Мудрено, конечно, и наивно было на это рассчитывать. Жизнь распорядилась по-своему, в соответствии с жестокими законами жестокого века...»

Мы, сегодня читающие эту повесть жизни и смерти, имеющие возможность оглянуться в прошлое из нынешних дней, из того незведомого будущего, до которого и Петроку, и столько людям не суждено было дожить, мы знаем, что ждало его, почему не сбыться его робким надеждам. Но даже зная это, хочется вместе с ним обмануться, чтобы неизбежное каким-то чудом миновало его. Это и есть подлинный сюжет художественного произведения, когда события разворачиваются по своей непредугаданной и необратимой жизненной логике, а нам — и героям, и автору, и читателям — хочется много, мы, зная исход, видя, как движется все к неизбежному, до последней возможности не переставая надеяться, не можем смириться. И наше читательское соучастие не в том, что, забегая вперед по страницам, спешим узнать, как развивается книга, а со всей болью за человека мы стремимся мысленно отстраниться от него неизбежного, хоть это и не в наших силах. Отсюда и напряжение, которое не позволяет оставить книгу недочитанной, и понимание событий.

том, чтобы происшествие, даже невероятное, объяснить законами жизни.

Петрок еще не раз на страницах повести, как тысячи подобных безвестных «петроков» в жизни в то далекое, четвертьмиллиардными отделенное от нас время, будет пытаться как-то обойти, обмануть свою судьбу. Вот он выскочит из хаты чуть ли не радостный: «Баба, ялиц! Яци давай, быстро!» Это в их забытый богом хутор въехали немцы и поселяются в его хате и на дворе. И еще он попытается самогоном — а больше при его бедности и нечем — откупиться от полицейских, местных, которые еще страшнее чужих, и навлечет на себя тем самым большую беду. Сколько во всем этом суровой правды, как точно и сильно написано. И будет еще Петрок изо всех сил держать за рога собственную корову, чтобы несконечный солдат выдвигал ее. Жалко его в этот момент, больно видеть, как его ноги в суконных, залатанных на коленях штанах мелко подрагивают. Жалко — да. Но стыдно ли за него? Нет. При всей своей мягкости, податливости он не переступит той главной черты, за которой кончается человеческое; с какой легкостью переступали ее куда более сильные натуры. В нем жив человек, и еще разогнется его человеческое достоинство, с ним и уйдет он из жизни. Это за жену, за Степаниду, надеясь ее спасти, способен он упасть на колени: «Паночку! — вдруг чужим хриплым голосом закричал Петрок и упал коленями на грязную, рискованную после дождей землю. — Паночку, не надо!» За жену готов он вот так просить, но не за себя.

Этот образ, написанный сложно, психологически тонко, так достоверно, как будто он вовсе и не написан, а из жизни взят, — одна из самых больших удач повести. Много своим Петром рассказал Василь Быков о времени и о людях. Я выделяю его не потому, что он — единственная или наибольшая удача в этой многоплановой книге, где много событий и разные временные пласты, но потому, что в короткой рецензии невозможно даже бегло оценить и истолковать все это произведение.

самом бесчеловечном, что нес с собой фашизм, написано немало. Быков рассказывает о будничном, о том обыденном, что с первых дней стало бытом этого «нового порядка», подняв на поверхность всю муь со дна общества. Помните, в поэме Твардовского «Дом у дороги»:

Не бил, не мучил и не жег,—
Всему свой срок и ряд.
Но он входил, уже он мог
Войти, чужой солдат.
Чужой солдат вошел в ваш
дом,
Где свой не мог войти.
Вам не случилось быть пр
том?
И бог не приведи.

Все, что нормальный человеческий разум представить себе не может, все это еще впереди: «всему свой срок и ряд»). А пока — то обычное и страшное в своей бесчеловечности, что делают люди, у которых приказом свыше сняты сдерживающие центры, дарованные нам от природы. отменена совесть.

Не отвлеченными философскими категориями, которые доступны немногим умам, а привычными житейскими мерками измеряют люди в этой повести добро, зло — все, что происходит с ними и вокруг них. Вот — Степанида: «За свою трудную жизнь она все-таки познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом... Она привыкла судить о большом по малому, о мире — по своей деревне. И она не ошибалась. Она знала, что хорошие люди не поступают подло ни по своей воле, ни по принуждению... Уже одно то, что немцы пришли на ее землю с оружием, значило, что правда не на их стороне. У кого правда, тому не надобно оружие. Опять же достаточно посмотреть, кто с ними заодно, чтобы понять, кто они сами».

Столько уже написано о войне за минувшие четыре десятилетия, но повесть Василия Быкова «Знак беды» лишний раз доказывает, как много еще не рассказано. Великое испытание в жизни народа всегда порождает мощную литературу. Та летопись, художественная летопись всенародного подвига и тяжчайшего бедствия, начатая еще в годы войны бессмертным «Василием Теркиным», создается неисчерпаемо. И среди тех, кто продолжает эту летопись, Василию Быкову принадлежит одно из самых заслуженных и почетных мест.